

УДК 343.13

А.А. Рукавишникова (Плашевская)

ГЕНЕЗИС КАТЕГОРИИ «ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В статье исследуется понятие «правовая определенность». Отмечается отсутствие в современной юридической литературе, а также в правоприменительной практике унифицированного понятия данной категории. Прослеживается генезис данного понятия в российской юридической науке. Анализируется понятие правовой определенности в том виде, в котором оно дается в решениях Европейского суда по правам человека, а также в решениях высших судебных инстанций России.

Ключевые слова: понятие «правовая определенность», решения Европейского суда по правам человека, решения Конституционного Суда РФ.

Сегодня на страницах юридической печати довольно часто используется такое понятие, как «правовая определенность»¹. Как правило, содержание этого понятия раскрывается через призму решений Европейского суда по правам человека. Так, Е.А. Борисова, анализируя позиции Европейского суда по правам человека, считает, что содержание принципа правовой определенности заключается в следующем: «...принятые судом окончательные судебные постановления не подлежат пересмотру; недопустимо повторное рассмотрение однажды разрешенного судом дела; ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного судебного решения только в целях проведения повторного слушания и получения нового решения; пересмотр «окончательного» судебного решения не является отступлением от принципа правовой определенности, если он осуществляется в целях исправления судебной ошибки, неправильного отправления правосудия; пересмотр не может быть скрытой формой обжалования, а наличие противоположных взглядов сторон на дела само по себе не может служить основанием для пересмотра «окончательного» судебного решения; пересмотр ставшего обязательным для сторон решения суда вышестоящим судом недопустим по заявлению государственного должностного лица; пересмотр «окончательных» решений, когда он допустим, должен быть ограничен определенным сроком» [1. С. 309].

В уголовно-процессуальной литературе, как правило, этот термин используется без разъяснения его содержания, как нечто всем понятное и общеизвестное. Этот термин применяется авторами как критерий, которому должна соответствовать современная система пересмотра судебного решения в уголовном процессе. Кроме того, о необходимости соблюдения требования

¹ См. напр.: Аширбекова М.Т., Омарова А.С. Новая кассация в призме действия принципа правовой определенности // Российская юстиция. 2012. № 6; Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10; Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 16–28; Романец Ю. Правовая определенность или безнаказанность? // ЭЖ-Юрист. 2011. № 49.

правовой определенности говорится и при анализе современного порядка проверки приговора в соответствии с гл. 48.1 УПК РФ. Так, например, М.В. Мерзлякова и А.Д. Прошляков анализируют нормы УПК РФ на предмет соответствия принципа правовой определенности современного порядка надзорного производства. Однако содержание этой категории они не раскрывают [2. С. 85].

При этом именно «правовая определенность» выступает сегодня в качестве основного критерия, которому должно отвечать и само судебное решение в условиях происходящего реформирования системы его проверки, и сама процедура его пересмотра. Попробуем разобраться, что же кроется за термином «правовая определенность», и выясним, является ли он новым для российской юридической науки. Следует оговориться, что отраслевое использование рассматриваемого понятия (в уголовно-процессуальном, гражданско-процессуальном, арбитражно-процессуальном праве и т.д.) зачастую носит узконаправленный характер (так, в отраслях процессуального цикла это понятие используется применительно к построению и функционированию системы проверки судебных решений и к самим судебным решениям) и не охватывает всего возможного содержания этого понятия по объему. Между тем понимание категории правовой определенности даже в решениях высших судебных инстанций страны носит весьма многоаспектный характер. Вариативность в понимании правовой определенности присутствует и в решениях Европейского суда по правам человека.

Появление и широкое использование термина «правовая определенность» или «формальная определенность» в национальной юридической литературе, прежде всего, связывается с нормативистским (позитивным) подходом к определению права – как совокупности норм, которые должны быть четко, определенно сформулированы, чтобы их истинный смысл соответствовал их внешнему выражению, что является гарантией, достаточной для приобретения уверенности в отношении действий властей и масштабов свободы, которую требуют индивиды и общество [3. С. 116]. С.С. Алексеев отмечал, что именно в романо-германской правовой семье близость «права» и «закона» оказывается плотной настолько, что эти понятия, при всем их очевидном существенном различии, нередко отождествляются. Именно путем письменной формы законов, других официальных нормативных актов открывается возможность для строгой и точной определенности в праве. Определенности – при фиксации по содержанию тех фактических ситуаций, которые требуют юридического регулирования, а также применяемых в этом случае правовых средств, юридических конструкций, и что не менее существенно, определенности в круге лиц, на которых распространяется действие данных положений, вплоть до установления «”всеобщности” в регулировании – распространения данного юридического порядка “на всех”, на все население, на все субъекты» [4. С. 107].

Автор, рассматривая формальную определенность как признак права, различал внутреннюю и внешнюю форму и соответственно внутреннюю и внешнюю определенность. Первая связывалась с тем, что нормы, из которых складывается право, имеют определенное, в большинстве случаев точное, конкретизированное, детализированное содержание, с надлежащей полнотой

охватывающее данные общественные отношения. Внешняя определенность связывалась с тем, что содержание права выражено и закреплено в формальных актах (источниках права). Так как исполнимость нормативного акта обеспечивалась принудительной силой государства, то в литературе отмечалось, что «"стабильность" восходит к принудительному осуществлению закона, а принудительное осуществление закона ведет к "стабильности"» [5. С. 22]. Таким образом, формальная определенность выступала средством обеспечения стабильности в обществе и государстве.

При этом С.С. Алексеев отмечал, что, различая внутреннюю и внешнюю форму в праве, необходимо указать на их единство. Поэтому, если рассматривать правовые свойства в качестве выражения элементов его структуры (внутренней формы), становится ясным, что каждый из этих элементов, выраженный вовне, выступает в виде соответствующего элемента внешней формы – источников права, нормативных актов [7. С. 24].

В юридической литературе именно со свойством формальной определенности связывалась авторитетность права и рассматривалась как гарантия «безопасности личности и имущества, гарантия спокойного труда и быта». Так, отмечалось, что авторитетность права зависит от его стабильности. Социальной целью права является упорядочение, стабилизация общественных отношений, создающая в обществе возможность прогнозирования, уверенность в завтрашнем дне [6. С. 96].

Таким образом, будучи соответствующим признаку «формальной определенности» (как с внешней, так и с внутренней стороны), право создавало состояние правовой стабильности в обществе в конкретный исторический срез его развития.

Сегодня отмечается, что, несмотря на важность такой характеристики правовой нормы, как ее определенность, непосредственно последняя не сформулирована ни в одном из действующих нормативных правовых актов. Это объясняется тем, что требование определенности вытекает из самой природы правовой нормы как равного масштаба, равной меры свободы для всех субъектов права. Это как раз и позволяет определить требование нормативно-правовой определенности в качестве важного принципа режима равноправия граждан. Вместе с тем конкретные параметры степени определенности правовой нормы содержатся не в сущностных характеристиках правовой нормы, а в форме правового закрепления правила поведения. Иными словами, определенность характеризует уровень законодательной техники, а не сущностную природу нормативно-правового предписания [7].

Так, В.С. Нерсисян отмечает, что формальная свобода как объект права определяется качественно и количественно. Качество (качественная, содержательная определенность) – это характеристика конкретно-определенного вида формальной свободы. Оно находит свое проявление в гипотезе нормы. Количество (количественная определенность) – это характеристика полноты конкретного вида свободы, которая находит свое выражение в диспозиции. Дозволения и запреты конкретно-определенной нормы права, устанавливая «внешние границы», структурируют и оформляют конкретно-определенную область общественных отношений [8. С. 34–35].

Безусловно, законодатель объективно и субъективно ограничен в пределах детализации нормативных предписаний. Да не всегда это и необходимо. Главное – определиться с достаточной степенью формализации, чтобы та или иная формулировка обеспечивала ясность и недвусмысленность ее понимания. Здесь огромное значение имеет не только уровень законодательной техники, но и уровень правовой культуры и правового сознания, и «творцов» норм права, и его адресат. Как отмечает Н.С. Бондарь, «нельзя не учитывать, что во всякой правовой норме имманентно присутствует некоторый уровень абстракции и, соответственно, неопределенности (например, с точки зрения круга субъектов, подпадающих под ее действие, казуальной инвариантности реализации нормы и т.п.). В этом смысле неопределенность есть некорректная форма внешнего выражения правовой нормы. Поэтому определенность правовой нормы должна обеспечиваться прежде всего специальными требованиями к законодательной технике, вырабатываемыми юридической теорией и практикой» [9. С. 5].

В силу того, что приговор (и другие судебные решения) также является одним из регуляторов общественных отношений на данный, конкретный случай, в юридической литературе термин «определенность» использовался и при характеристике приговора по уголовному делу. И если требование правовой определенности к системе норм конкретного государства означает их понятность, предсказуемость, стабильность в отношении всех и каждого, кто попадает в число субъектов действия конкретной нормы, то требование правовой определенности приговора означает его понятность, стабильность, исполнимость, исключительность именно для тех участников уголовного процесса, права которых затрагиваются этим судебным решением, которое представляет собой не что иное, как «закон» на отдельно взятый конкретный случай.

С этой позиции с момента рассмотрения дела по существу и вынесения судебного решения, вступившего в законную силу, восстанавливаются нарушенные права и создается состояние правовой определенности применительно к участникам отношений, возникает «право, обретенное в суде». Чем безупречнее приговор с позиции формы и содержания, тем более высок уровень создаваемой им правовой определенности.

В рамках концепции «естественного права» впервые «правовая определенность» как категория была переведена из объективной плоскости (свойство правовой нормы) в категорию субъективной плоскости и определена «как неотъемлемое право личности на определенность правовых норм (иметь ясное и определенное место в жизни целого социального организма), без которого вообще ни о каком «праве» не может быть и речи» [10. С. 89]. Право на правовую определенность рассматривается как одно из естественных (неотъемлемых) прав, «как требование жизнедеятельности людей как разумных существ» [11. С. 415] и заключается в необходимости знать «обоснованность, оправданность своего поведения, границ свободы (возможности) такого поведения, последствий несоблюдения предписаний». Именно наличие таких знаний позволяет человеку нормально осуществлять свою жизнедеятельность, реализовывать свою индивидуальность и четко знать, где заканчиваются пределы его свободы. Как отмечает Ю. Романец, «право на правовую определенность, как и всякое естественное право, имеет нравственную при-

роду, то есть выражает уважение к достоинству человека и способствует его нравственному совершенствованию» [12. С. 6].

На страницах современной юридической печати термин «правая определенность», как правило (ранее уже говорилось), связывается с его пониманием, данным в решениях Европейского суда по правам человека.

Так, отмечается, что «принцип правовой определенности предполагает стабильность правового регулирования и существующих правоотношений. Данный принцип необходим для того, чтобы участники соответствующих отношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей. Он имеет своей целью обеспечить участников соответствующих отношений возможностью точно спрогнозировать результат своих действий и в том числе дать надежду, что права данных лиц будут защищены, что при разрешении спора действия правоприменителя также будут прогнозируемы и предсказуемы и не будут меняться от случая к случаю, что судебные решения, вступившие в законную силу, будут уважаться» [13. С. 58].

В решениях Европейского суда по правам человека «правовая определенность» («юридическая определенность») определяется как признак действия «верховенства права» (наряду с правовой определенностью «верховенство права» проявляется также через принцип «правовой эффективности» и «баланса интересов»)¹. Исследуя принцип «верховенства права», профессор С.Ю. Марочкин отмечает, что этот принцип реализуется на международном и внутригосударственном уровне. При наличии общих базисных элементов такие проявления этого принципа имеют совпадающие сферы действия и, кроме того, находятся во взаимосвязи и взаимодействии. Одним из направлений влияния верховенства права как международного принципа является утверждение на национальном уровне такого аспекта, как недопустимость пересмотра окончательного решения суда [14. С. 88–89].

Европейский суд по правам человека рассматривает и использует такую категорию, как «правовая определенность», в нескольких значениях. Во-первых, как требование, обращенное к национальному законодателю. Прежде всего, это требование касается законодательного процесса, итогом которого становится появление правовой нормы, которая, по мнению Европейского суда по правам человека, должна отвечать требованиям точности, недвусмысленности, ясности содержания. Согласно позициям Европейского суда [15] закон должен отвечать установленному Конвенцией стандарту, требую-

¹ *Постановление* Европейского Суда по правам человека от 28 октября 2003 года по делу «Ракевич против Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]/ Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электр. дан. (39 кб.). М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. Режим доступа: компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный; *Постановление* Европейского Суда по правам человека от 24 мая 2007 года по делу «Владимир Соловьев против Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электр. дан. (39 кб.). М.: АО КонсультантПлюс, 1992. Режим доступа: компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 23 января 2013); *Постановление* Европейского Суда по правам человека от 25 августа 1993 года по делу «Хорхерр против Австрии» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электр. дан. (39 кб.). М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. Режим доступа: компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 23.05.2014).

шему, чтобы законодательные нормы были сформулированы с достаточной четкостью и позволяли лицу предвидеть, прибегая в случае необходимости к юридической помощи, с какими последствиями могут быть связаны те или иные его действия. При этом Европейский суд пояснил, что мера точности, требуемой от национального законодательства, «в значительной степени зависит от содержания оспариваемого закона, сферы, которую он предназначен охватывать, количества и статуса тех лиц, кому он адресован» [15]. Так, Европейский суд констатировал нарушение правовой (юридической) определенности в тех случаях, когда содержание применяемой нормы было настолько неточным и критерий, изложенный для правоприменителя, открыт для слишком широкого толкования, что нарушало требования Конвенции о правах человека и основных свободах, об юридической определенности и прогнозируемости [16].

В таком понимании «правовая определенность» должна соблюдаться, как отмечает Европейский суд по правам человека, не только при формулировании содержания правовой нормы, но и при решении вопросов о принятии новых нормативных актов, о придании обратной силы вновь принимаемому нормативно-правовому акту.

Все изменения, связанные с принятием новых нормативных актов в той или иной сфере, должны быть для граждан предсказуемы, то есть соответствовать общей, объявленной государством, политике развития той или иной отрасли (для этого принимаются концепции, целевые программы и т.д.). В то же время все изменения, вносимые в нормативные акты, составляющие законодательство конкретной отрасли права, должны соответствовать целям, задачам, принципам этой отрасли. В противном случае не исключены пробелы, противоречия в правовом регулировании общественных отношений, входящих в предмет конкретной отрасли права, а значит, и состояние правовой неопределенности.

Во-вторых, как требование к судебному решению, как к итогу правоприменительной деятельности. В этом случае Европейский суд по правам человека рассматривает требование правовой определенности в двух аспектах: как требование к самому судебному решению (его ясности, непротиворечивости, мотивированности), то есть к его содержательной стороне; так и требование в смысле «устойчивости» окончательного судебного решения в целом, призванного быть стабильным регулятором общественных отношений. Констатируя нарушение принципа правовой определенности в содержательном аспекте, Европейский суд по правам человека отмечал, что противоречивые решения высшего национального суда сами являются источником правовой неопределенности и нарушают право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Суд полагает, что хотя расхождения в прецедентной практике присущи любой системе, состоящей из множества судов первой инстанции, рассматривающих дела, относящиеся к их территориальной подсудности, функции высшего суда заключаются в разрешении этих противоречий. При этом Европейский суд по правам человека отмечал нарушение правовой определенности в тех случаях, когда суд выносил противоположные решения о пределах применения закона к аналогичным правовым ситуациям, а высший су-

дебный орган не урегулировал данные противоречия в судебной практике [17]. Европейский суд по правам человека констатирует угрозу правовой определенности и в тех случаях, когда судебное решение не содержит обоснования, мотивировки принятого решения, а также точности формулировок, чем ставит лицо, в отношении которого принято это решение, в состояние правовой неопределенности [18].

Рассматривая правовую определенности в смысле «устойчивости судебного решения», прежде всего отметим, что Европейский суд использует такую формулировку, как «окончательное судебное решение». Это понятие не связывается Европейским судом с процедурой вступления приговора в законную силу (не используется такой термин). В своих решениях Европейский суд по правам человека дает следующие признаки окончательности судебного решения: должно приобрести силу дела, разрешенного судом, – в нем должна быть окончательно установлена и разрешена фактическая сторона дела; стать неотменяемым, то есть когда не существует других обычных способов правой защиты, или когда стороны исчерпали эти средства защиты, или пропустили установленные сроки, или не воспользовались ими (судебное решение не может оставаться открытым для пересмотра неопределенное время по незначительным основаниям) [19]. Применительно к ныне действующей в России системе проверки судебного приговора последний приобретает свойство окончательности после пересмотра его в апелляционном порядке (или истечения срока для этого обжалования), то есть с момента вступления в законную силу. Окончательное судебное решение определяет своим содержанием будущую модель поведения участников спорного уголовного правоотношения. Хотя, конечно, размытость границ кассационных оснований, отсутствие монопольности кассационной инстанции и в связи с этим возможность неоднократной отмены судом кассационной инстанции решений судов нижестоящих инстанций могут поставить под сомнение утверждение о том, что с момента проверки судебного решения в апелляционном порядке (в соответствии с УПК РФ) оно становится окончательным.

Именно устойчивое содержание позволяет видеть и предвидеть свое правовое положение в обществе на период, установленный в судебном решении. Устойчивость судебного решения приобретает именно с момента придания ему свойства окончательности, так как последнее не может быть пересмотрено в обычном порядке только на том основании, что появилась иная оценка фактической стороны спорного правоотношения.

Однако Европейский суд в своих решениях не отрицает возможности колебать окончательное судебное решение, но в строго ограниченных пределах, как исключение из общего правила, и только соблюдение этих пределов может обеспечивать сохранение состояния «правовой определенности». В этом смысле Европейский суд по правам человека констатирует, что требование юридической определенности не является абсолютным. Окончательное решение может быть обжаловано, но при следующих условиях: недопустимо повторное рассмотрение однажды разрешенного судом дела; ни одна из сторон не может требовать пересмотра «окончательного», то есть вступившего в законную силу, судебного решения только в целях проведения повторного

слушания и получения нового решения; пересмотр «окончательного» судебного решения не является отступлением от принципа правовой определенности, если он осуществляется в целях исправления судебной ошибки, неправильного отправления правосудия; пересмотр не может быть скрытой формой обжалования, а наличие противоположных взглядов сторон на дело само по себе не может служить основанием для пересмотра «окончательного» судебного решения.

Аналогичное многоаспектное понимание категории «правовая определенность» можно встретить и в решениях Конституционного Суда РФ, который формирует концепцию «верховенства права» на внутригосударственном уровне и рассматривает этот принцип как неотъемлемый элемент правового государства. Прежде всего, «правовая определенность» рассматривается как требование, которому должны отвечать действующие нормы российских законов. В своих решениях Конституционный Суд РФ использует понятие «формальная определенность» в его отрицательном значении: «формальная неопределенность» закона как основание признания его неконституционным. Так, Конституционный Суд РФ признал неконституционной норму, которая в силу неопределенности ее юридического содержания не позволяла ответить на вопрос... и порождала произвольное понимание того, что она означает по своему существу. Также Конституционный Суд отмечал, что неопределенность правового содержания рассматриваемых положений противоречит общеправовым принципам юридической ответственности. Общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19, ч. 1 Конституции Российской Федерации), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями. Неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит, к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона¹. В соответ-

¹ *Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2012 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Р.Г. Мишиной»* // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электр. дан. (39 кб.). М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. Режим доступа: компьютер. сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 23.01.2013); *Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2004 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 10 статьи 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации»* // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электр. дан. (39 кб.). М.: АО «Консультант-Плюс», 1992. Режим доступа: компьютер. сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 23.01.2013); *Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2003 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Новиковой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова»* // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электр. дан. (39 кб.). М.: АО «Консультант плюс», 1992. Режим доступа: компьютер. сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 23.01.2013); *Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР" и Законов Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и "О федеральных органах*

ствии с таким пониманием правовой определенности именно отсутствие возможности произвольного применения содержания нормы, юридических понятий, институтов является гарантией такого естественного права человека, как право на правовую определенность, а также право на равное отношение при реализации и защите прав и свобод человека и гражданина. Правовая определенность выступает в качестве принципа конституционного нормоконтроля.

Кроме того, правовая определенность рассматривается как требование, которому должны отвечать акты правоприменительной деятельности судов [20]. Данному принципу должны соответствовать как вся система судебных решений, принимаемых в каждом государстве (в данном случае огромное значение в обеспечении принципа правовой определенности имеют эффективное построение самой судебной системы и распределение полномочий между судами), так и каждое судебное решение в отдельности (не только с содержательной – внутренней стороны, но и со стороны внешней – в смысле устойчивости вовне и способности выступать стабильным регулятором общественных отношений).

Функцию по преодолению рассогласованности судебной практики должны реализовывать высшие судебные инстанции страны. В литературе отмечается, что наличие нескольких высших судебных инстанций создает некоторые риски для правовой определенности, но при этом не отрицается возможность дискурса между судами (что предопределено принципом самостоятельности и независимости судов, наличием у высших судебных инстанций страны права на разъяснения по вопросам судебной практики, отсутствием иерархии между высшими судебными инстанциями). Наличие такого дискурса позволит достичь интериоризации духа юридической нормы через поиск золотой середины, методом балансирования, на основе соразмерности, то есть будет происходить взаимодополнение, взаимосдерживание, балансирование и демократическое обсуждение в поисках истины [21. С. 17, 28].

Применительно к обеспечению состояния правовой определенности конкретным судебным решением Конституционный Суд РФ формулирует определенные требования (схожие с теми, которые изложены в решениях Европейского суда по правам человека), направленные на то, чтобы обеспечить существование окончательного судебного решения как средства режима правовой определенности. В связи с чем Конституционный Суд РФ формулирует требования, которым должна отвечать национальная система проверки судебного решения, чтобы она не могла выступить угрозой правовой определенности [22].

Следует отметить, что сегодня в практике судов (как по гражданским, так и по уголовным делам) отсутствует единство в понимании правовой определенности, ее критериях, соотношении с другими принципами. Это нередко

налоговой полиции» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 5; *Постановление* Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой» // Консультант-Плюс [Электронный ресурс]. Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электр. дан. (39 кб.). М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. Режим доступа: компьютер. сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 23.05.2014).

приводит к тому, что правовая определенность существует сама для себя и «ставится во главу угла», иногда даже в ущерб другим не менее значимым принципам судопроизводства. Как показывает история развития принципа состязательности в теории и практике уголовного процесса, когда ему было придано значение «мегапринципа», ни к чему хорошему это не привело. Правовая определенность должна функционально обеспечивать назначение всей судебной власти – своевременную и качественную защиту прав и свобод как высшей ценности. Сегодня в литературе уже встречаются высказывания о необходимости признания существования этого принципа в законе, так как сколько бы судьи ни ссылались на данный принцип в решениях суда, как бы уместны ни были эти ссылки, ни один принцип не будет иметь того авторитета, каким обладает норма, закрепленная законом [23. С. 72]. Но прежде чем данный принцип получит законодательное закрепление и «прописку» в отдельных нормативных актах, нужно четко понимать его содержание, объем требований, согласование с другими действующими принципами.

Являясь признаком принципа верховенства права, который имеет и международный и внутригосударственный уровень закрепления и применения, «правовая определенность» как категория должна быть приведена к общему знаменателю и рассматриваться в двух смыслах: в субъективном – как естественное право человека и гражданина на правовую определенность, предполагающее естественную возможность каждого человека и гражданина знать и понимать свое правовое положение в обществе и государстве, в том числе определяемое решением суда; и в объективном – как совокупность юридических норм и институтов, обеспечивающих предвидение человеком и гражданином своего положения в обществе и государстве. К числу таких институтов (которые могут носить международный, межотраслевой или отраслевой характер) могут быть отнесены те, которые в силу имманентно присущей им качественной характеристики прямо или опосредованно призваны гарантировать правовую определенность во всем многообразии ее содержания (это правила, процедуры законодательного процесса и законодательной техники; институты, регламентирующие преодоление пробелов в праве; институты, регламентирующие построение, функционирование и взаимодействие судебной системы; институт разумности сроков судопроизводства; институт судебного решения, институты проверки судебного решения и т.д.).

Литература

1. *Борисова Е.А.* Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учеб. пособие. М.: Норма: Инфра-М, 2013. 320 с.
2. *Мерзлякова М.В., Прохляков А.Д.* Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора. М.: Юрлитинформ, 2011. 172 с.
3. *Корнуков Н.М.* Лекции по общей теории права. М.: Рос. полит. энцикл., 2010.
4. *Алексеев С.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 4: Линия права. М.: Статут. 2006. 544 с.
5. *Алексеев С.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права. М.: Статут. 2010. 781 с.
6. *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.
7. *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма: Инфра-М, 2011 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электр. дан. (39 кб.). М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. Режим доступа: компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 23.05.2014).

8. *Нерсисян В.С.* Право и правовой закон: становление и развитие / под ред. В.В. Лапаевой. М.: Норма, 2009. 384 с.
9. *Бондарь Н.С.* Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 4–10.
10. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001.
11. *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
12. *Романец Ю.* Правовая определенность или безнаказанность? // ЭЖ-Юрист. 2011. № 49. С. 6–8.
13. *Султанов А.Р.* Восстановление нарушенных прав и правовая определенность // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 58–61.
14. *Марочкин С.Ю.* Верховенство права на внутригосударственном и международном уровнях: динамика развития и взаимодействия // Государство и право. 2013. № 10. С. 85–94.
15. *Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 августа 1993 года по делу «Хорхерр против Австрии»* // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электр. дан. (39 кб.). М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. Режим доступа: компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 23.05.2014).
16. *Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Ракевич против Российской Федерации от 28 октября 2003 года (Жалоба № 58973/00)»* // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электр. дан. (39 кб.). М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. Режим доступа: компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 23.01.2014).
17. *Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Сергей Золотухин против Российской Федерации от 10 февраля 2009 года (Жалоба 14939/03)»* // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электр. дан. (39 кб.). М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. Режим доступа: компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 23.05.2014).
18. *Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Калашников против Российской Федерации» от 15 июля 2002 года (Жалоба № 47095/99)»* // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Справ.-правовая система. Версия Проф, сетевая. Электр. дан. (39 кб.). М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. Режим доступа: компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 23.05.2014).
19. *Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Никитин против Российской Федерации от 20 июля 2004 года (Жалоба № 50178/99)»* // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электр. дан. (39 кб.). М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. Режим доступа: компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 23.05.2014).
20. *Постановление Конституционного суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан»* // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электр. дан. (39 кб.). М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. Режим доступа: компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 23.05.2014).
21. *Гаджиев Г.А.* Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 16–28.
22. *Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 года № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, статьи 41 Уголовного кодекса РСФСР и статьи 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан»* // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Справ. правовая система. Версия Проф, сетевая. Электр. дан. (39 кб.). М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. Режим доступа: компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения: 23.05.2014).

23. Шабалина Я.М. Принцип правовой определенности в практике Европейского Суда по правам человека // Российское правосудие. 2011. № 8(64). С. 69–72.

Rukavishnikova (Plashevskaya) A.A.

GENESIS OF THE CATEGORY “LEGAL CERTAINTY” IN MODERN LEGAL SCIENCE.

Keywords: concept “legal certainty”, decisions of the European Court of Human Rights, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

The article deals with the category “legal certainty” and stresses the flexibility of its understanding and use in legal science. The author analyses the notion of “formal certainty” (as a prototype of the term under consideration) and states that that notion was connected with a normative approach to understanding of law and included such a requirement to it from external and internal sides as certainty. The compliance of the right with this requirement explained the possibility of the latter to ensure security and stability in a society. It has been noted that the concept “legal certainty” as a category was first transformed within the frame of the concept “natural law” from an objective sphere into the category of a subjective sphere and was defined as “an integral right of a person to the certainty of legal norms”. The understanding of “legal certainty” in the decisions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation is under consideration. The European Court of Human Rights considers and applies the category “legal certainty” in several meanings: firstly, as a requirement to national legislators (this requirement deals with a law making process resulting in a new norm); secondly, the requirement to a court decision which is the result of a law enforcement activity. In this case the European Court of Human Rights considers the requirement for legal certainty in two aspects: as the requirement to a court decision (its clarity, consistency and motivation) i.e. to its content; as the requirement in the sense of “firmness” of the final court decision which is called to be a stable regulator of public relations on the whole. We come across the same understanding of the category “legal certainty” in some decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation which forms the concept of the “supremacy of law” on the national level and considers this principle to be an integral element of a law abiding state.

It's noted in the article that there is no unity of opinions on “legal certainty”, its criteria and relationship with other principles in current courts' (both in civil and criminal cases) practice. The author comes to the conclusion that, being a characteristic of the “supremacy of law” on international and national levels, the category “legal certainty” should be brought to a common denominator and be considered in two senses. The first sense is a subjective one and represents an a natural right of a person (a citizen) to legal certainty i.e. a natural possibility of every person and citizen to know and understand his/her legal position in the society and state including the position determined by the court. The second sense is an objective one and represents the set of legal norms and institutions which ensure the anticipation by a person (a citizen) his/her position in the society and state.

References

1. Borisova E.A. *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor po grazhdanskim delam* [Appeal, cassation, supervision of civil cases]. Moscow: Norma; Infra-M Publ., 2013. 320 p.
2. Merzlyakova M.V., Proshlyakov A.D. *Peresmotr vstupivshikh v zakonnyuyu silu prigovorov, opredeleniy i postanovleniy v poryadke nadzora* [Revision of judgments, rulings and decisions that have entered into force in the exercise of supervisory]. Moscow: YurLitinform Publ., 2011. 172 p.
3. Kornukov N.M. *Leksii po obshchey teorii prava* [Lectures on the general theory of law]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, p. 116.
4. Alekseev S.S. *Sobranie sochineniy v 10 t.* [Collected works. In 10 vols.]. Moscow: Statut Publ., 2006. Vol. 4, 544 p.
5. Alekseev S.S. *Sobranie sochineniy v 10 t.* [Collected works. In 10 vols.]. Moscow: Statut Publ., 2010. Vol. 3, 781 p.
6. Leyst O.E. *Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava* [The essence of law. Problems of the theory and philosophy of law]. Moscow: Zertsalo-M Publ., 2002, p. 96.
7. Bondar' N.S. *Sudebnyy konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiya* [Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice]. Moscow: Norma, Infra-M Publ., 2011. Available at: <http://www.consultant.ru/law/review/other/xm2012-05-16.html>. (Accessed: 23rd May 2014).

8. Nersesyan V.S. *Pravo i pravovoy zakon: stanovlenie i razvitie* [Law and legal law: formation and development]. Moscow: Norma Publ., 2009. 384 p.

9. Bondar' N.S. Legal clarity is a universal principle of constitutional norm control (practice of the constitutional court of the RF). *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2011, no. 10, pp. 4-10. (In Russian);

10. Pokrovskiy I.A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The main problems of civil law]. Moscow: Statut Publ., 2001, p. 89.

11. Alekseev S.S. *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: opyt kompleksnogo issledovaniya* [The law: the alphabet – theory – philosophy: a comprehensive study of the experience]. Moscow: Statut Publ., 1999. 712 p.

12. Romanets Yu. *Pravovaya opredelennost' ili beznakazannost'* [Legal Certainty or impunity?]. *EZh-Yurist*, 2011, no. 49, pp. 6-8.

13. Sultanov A.R. Restoration of violated rights and legal certainty. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2011, no. 4, pp. 58-61. (In Russian).

14. Marochkin S.Yu. The Rule of Law on the domestic and international levels: the dynamics of development and interaction. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 2013, no.10, pp. 85-94. (In Russian).

15. *Postanovlenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka ot 25 avgusta 1993 goda po delu "Khorkherr protiv Avstrii"* [Decision of the European Court of Human Rights of 25 August 1993 in the case "Horherr against Austria"]. Consultant Plus: electronic research and legal system. (Accessed: 23rd May 2014).

16. *Postanovlenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka ot 28 oktyabrya 2003 goda po delu "Rakevich protiv Rossiyskoy Federatsii" (Zhaloba № 58973/00)* [Decision of the European Court of Human Rights of 28 October 2003 in the case "Rakevich against the Russian Federation" (Claim # 58973/00)]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=440>. (Accessed: 23rd May 2014).

17. *Postanovlenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka po delu "Sergey Zolotukhin protiv Rossiyskoy Federatsii ot 10 fevralya 2009 goda" (Zhaloba 14939/03)* [Decision of the European Court of Human Rights in the case "Sergei Zolotukhin against the Russian Federation dated 10 February 2009" (Complaint 14939/03)]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=45011>. (Accessed: 23rd May 2014).

18. *Postanovlenie Evropeyskogo suda po pravam cheloveka po delu "Kalashnikov protiv Rossiyskoy Federatsii" ot 15 iyulya 2002 goda" (Zhaloba № 47095/99)* [Decision of the European Court of Human Rights in the case "Kalashnikov against the Russian Federation" dated 15 July 2002 (Complaint № 47095/99)]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=18745>. (Accessed: 23rd May 2014).

19. *Postanovlenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka po delu "Nikitin protiv Rossiyskoy Federatsii ot 20 iyulya 2004 goda" (Zhaloba № 50178/99)* [Resolution of the European Court of Human Rights in the case "Nikitin against the Russian Federation of July 20, 2004" (Complaint № 50178/99)]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=472>. (Accessed: 23rd May 2014).

20. *Postanovlenie Konstitutsionnogo suda RF ot 5 fevralya 2007 g. № 2-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy statey 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 i 389 Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan, zhalobami otkrytykh aktsionernykh obshchestv Nizhnekamskneftekhim i Khakasenergo, a takzhe zhalobami ryada grazhdan"* [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 5, 2007 № 2-P "In the case on the constitutionality of the provisions of Articles 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 and 389 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan, complaints of open joint-stock companies 'Nizhnekamskneftekhim' and 'Khakasenergo', as well as complaints of some citizens']. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66124/. (Accessed: 23rd May 2014).

21. Gadzhiev G.A. Printsip pravovoy opredelennosti i rol' sudov v ego obespechenii. *Kachestvo zakonov s rossiyskoy tochki zreniya* [The principle of legal certainty and the role of courts in its provision]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2012, no. 4, pp.16-28. (In Russian).

22. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 17 iyulya 2002 goda № 13-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy statey 342, 371, 373, 378, 379, 380 i 382 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RSFSR, stat'i 41 Ugolovno kodeksa RSFSR i stat'i 36 Federal'nogo za-*

kona O prokurature Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom Podol'skogo gorodskogo suda Moskovskoy oblasti i zhalobami ryada grazhdan” [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 17, 2002 № 13-P “In the case on the constitutionality of certain provisions of Articles 342, 371, 373, 378, 379, 380 and 382 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Article 41 of the RSFSR Criminal Code and Article 36 of the Federal law On the Procuracy of the Russian Federation on the request of Podolsk city Court of Moscow region and the complaints of some citizens”]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37778/. (Accessed: 23rd May 2014).

23. Shabalina Ya.M. Printsip pravovoy opredelennosti v praktike Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka [Principle of Equality of Arms in Practice of European Court of Human Rights]. *Rossiyskoe pravosudie*, 2011, no. 8 (64), pp. 69-72.